Казань с высоты полета на воздушном шаре

Человек всегда стремился оторваться от земли и полететь как птица. В 1783 г. ему это наконец-то удалось. Тогда впервые Пилатр де Розье и д'Арланд использовали аэростат, построенный братьями Монгольфье, для полета. Столетие спустя, в 1889 г. на воздушном шаре в казанское небо поднялся наш земляк Николай Павлович Загоскин.

Н. П. Загоскин (1851-1912) в 1874 г. окончил с золотой медалью юридический факультет Казанского университета, в 1875-1911 гг. преподавал историю русского права, в 1880 г. стал ординарным профессором, в 1900 г. — заслуженным профессором. В 1905 г. его избрали деканом юридического факультета, на 1906-1909 гг. — ректором университета. В 1911 г. он стал членом Государственного совета от Академии наук и университетов. Н. П. Загоскин является автором публикаций по истории русского права, краеведению, истории. Но современному читателю он более известен как автор четырехтомной «Истории Императорского Казанского университета…» и «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904)»[1].

Если описывать жизнь этого человека исходя только из его служебной деятельности, то она представилась бы нам полной административных забот и научных изысканий. Но Николай Павлович был не только ученым и педагогом, но и глубоко творческой личностью, разноплановым, открытым для новых впечатлений человеком.

В конце 1870-х гг. Н. П. Загоскин стал одним из учредителей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Он был его первым секретарем. Николай Павлович участвовал в археологических съездах в 1881 и 1884 гг., интересовался историко-культурными и археологическими памятниками Казанского края, в 1895 г. составил путеводитель «Спутник по Казани»[2].

Восемь лет своей жизни Н. П. Загоскин посвятил основанной им газете «Волжский вестник» (1883-1891 гг.). По воспоминаниям дочери, он очень любил журналистику и буквально жил этим предприятием. «Отец был очень увлекающийся человек. С жаром и любовью он одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством…»[3]

Такой увлекающийся человек, редактор общественной газеты не мог

пропустить приезд в Казань в августе 1889 г. воздухоплавателя Э. Спельтерини и его спутницы — акробатки Леоны Дар.

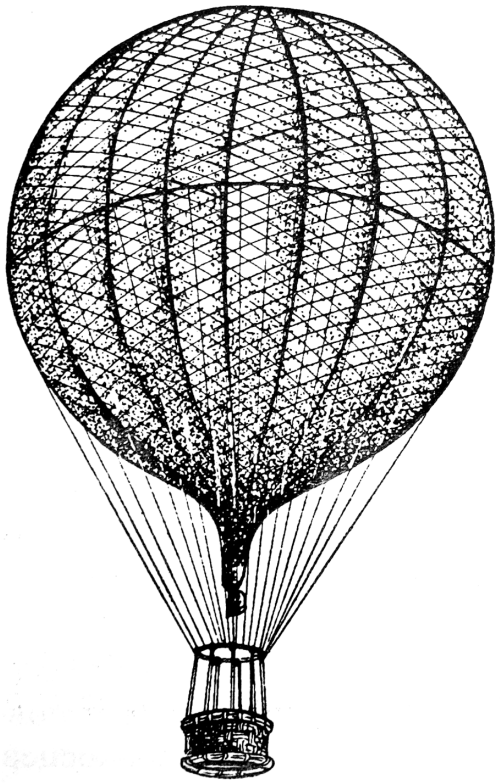
Эдуард Спельтерини (1852-1931) был известным швейцарским аэронавтом. В 1880 г. он совершил свой первый полет, в 1926 г. — последний. С 1882 г. Э. Спельтерини начал брать на борт своего аэростата пассажиров и за 570 полетов показал землю сверху 1 237 любителям острых ощущений. Воздухоплаватель совершал полеты на аэростате в Германии, Австрии, Италии, Франции, Бельгии, Польше, Болгарии, Египте, Турции, России.

Несмотря на то что полеты на воздушном шаре не были диковинным событием, жители Казани с удовольствием приходили в Панаевский сад посмотреть на аэростат и акробатические номера на трапеции Леоны Дар. За все время своего пребывания в городе Э. Спельтерини несколько раз совершал свои полеты. Трижды с ним отваживались лететь казанцы. Первым среди них стал служащий судебного ведомства А. Тычинский, за ним — профессора Казанского университета Н. Загоскин и Н. Шершеневич.

Николай Павлович почти сразу же после полета опубликовал свои впечатления. Небольшой очерк «На аэростате», выпущенный отдельной брошюрой, скорее напоминает подробнейший отчет о полете, чем рассказ о путешествии. Здесь есть всевозможные сведения о конструкции и приспособлениях шара, о газе и времени, необходимом для заполнения. Его зарисовки так отчетливо описывают каждую секунду полета, что любой человек, даже никогда не летавший, смог бы ощутить себя в воздухе.

Воздушный шар Э. Спельтерини относился к типу аэростатов «шарльер», которые заполнялись не горячим воздухом, а газом легче воздуха: «Имея 42 аршина в обхвате и 14 аршин в диаметре, этот колосс представляет громадную емкость в 40 тысяч кубических футов газа, которая, при хороших качествах последнего, дает шару силу, дозволяющую ему поднять пять человек, не считая оснастки и балласта».

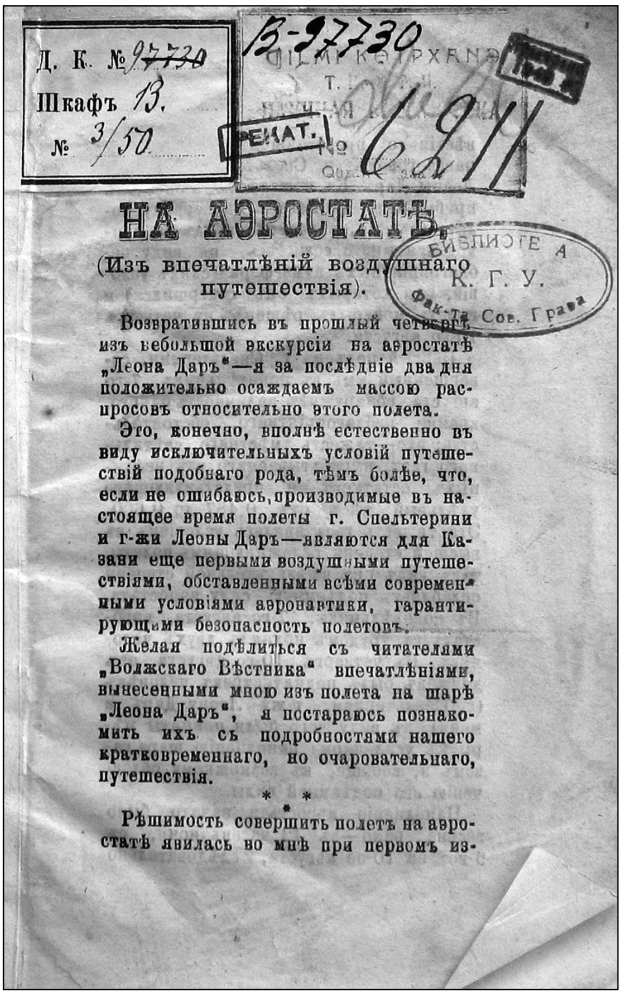
Вместимость воздушного шара напрямую зависела от легкости газа. «Тя-



Газовый аэростат XIX в., подобный аэростату Э. Спельтерини. Всемирная история авиации / Авт.-сост.: Г. А. Соболева, Ю. В. Рычкова. – М., 2002. – С. 46.

желый» светильный газ, которым заполняли шар Э. Спельтерини в Казани, стал причиной опасного, экстремального полета, который испытал Загоскин. Дело в том, что наполненный таким газом шар с трудом мог поднять в воздух двух человек, а необходимо было еще продемонстрировать мастерство акробатки Леоны Дар. И опытный воздухоплаватель Спельтерини пошел на решительный шаг, чтобы иметь на своем борту столь смелого путешественника, как Николай Павлович. Воздушный шар отправился в путь без балласта и якоря, что могло сказаться на приземлении. Но все обошлось благополучно.

Но самое удивительное в очерке Н. П. Загоскина — это описание впечатлений от высоты и наблюдаемых им пространственных искажений. А удивляться человеку, привыкшему к горизонтальному восприятию и линейной перспективе, было чему. Загоскин, поднявшись на аэростате выше всех зданий тогдашней Казани (шар поднимался приблизительно на 2,5 км), не испыты-



Д. К. № 97730
Шкафъ 13.
№ 3/50

В-97730

РЕКАТ.

№ 6211

БИБЛИОТЕКА К. Г. У. Фак-та Сов. Права

НА АЭРОСТАТѢ.

(Изъ впечатлѣній воздушнаго путешествія).

Возвратившись въ прошлый четвергъ изъ небольшой экскурсіи на аэростатѣ „Леона Даръ"—я за послѣдніе два дня положительно осаждаемъ массою распросовъ относительно этого полета.

Это, конечно, вполнѣ естественно въ виду исключительныхъ условій путешествій подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что, если не ошибаюсь, производимые въ настоящее время полеты г. Спельтерини и г-жи Леоны Даръ—являются для Казани еще первыми воздушными путешествіями, обставленными всѣми современными условіями аэронавтики, гарантирующими безопасность полетовъ.

Желая подѣлиться съ читателями „Волжскаго Вѣстника" впечатлѣніями, вынесенными мною изъ полета на шарѣ „Леона Даръ", я постараюсь познакомить ихъ съ подробностями нашего кратковременнаго, но очаровательнаго, путешествія.

* * *

Рѣшимость совершить полетъ на аэростатѣ явилась во мнѣ при первомъ из-

Н. П. Загоскин. На аэростате (Из впечатлений воздушного путешествия). – Казань, 1889. – С. 1.

вал страха, но был ошеломлен «дивным зрелищем». «Казалось, что не мы плывем вверх, но что земля уходит из-под наших ног; что земные предметы от какой-то причины быстро уменьшаются в размерах, как бы тают, сливаются, испаряются…»

Теперь, взглянув на все с высоты птичьего полета, Загоскин был словно первооткрыватель своего города. Все, до боли знакомое и видевшееся раньше большим, внушительным, с высоты казалось игрушечным, умело расставленным кем-то на земле: «Как все это миниатюрно, приземисто, но вместе с тем чисто, светло, опрятно, мило!». Расстилающийся внизу город стал похож на карту, но живую, движущуюся, на которой толпа людей похожа на рой муравьев, улицы Лядская и Грузинская — на тесемочки, а Волга — на серебряную ленту.

Полет Загоскина на воздушном шаре длился всего два часа, но впечатления о нем, должно быть, остались у Николая Павловича на всю жизнь. Ведь это были счастливые минуты полета! «Да, я теперь смело назову счастливцем человека, которому удастся совершить полет на аэростате…»

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904: в 4 т. – Казань, 1906; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): в 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904.
2. Милашевский Г. Незримый спутник по Казани [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000kzn.ru/article/ru/4399/280/1/.
3. Загоскина О. Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. – Казань, 2002. – С. 7.

НА АЭРОСТАТЕ

(Из впечатлений воздушного путешествия)

Возвратившись в прошлый четверг из небольшой экскурсии на аэростате «Леона Дар» — я за последние два дня положительно осаждаем массою расспросов относительно этого полета.

Это, конечно, вполне естественно ввиду исключительных условий путешествий подобного рода, тем более что если не ошибаюсь, производимые в настоящее время полеты г. Спельтерини и г[оспо]жи Леоны Дар являются для Казани еще первыми воздушными

путешествиями, обставленными всеми современными условиями аэронавтики, гарантирующими безопасность полетов.

Желая поделиться с читателями «Волжского Вестника» впечатлениями, вынесенными мною из полета на шаре «Леона Дар», я постараюсь познакомить их с подробностями нашего кратковременного, но очаровательного путешествия.

* * *

Решимость совершить полет на аэростате явилась во мне при первом известии о предстоящем прибытии в наш город г. Спельтерини и г[оспо]жи Леоны Дар. К сожалению, я опоздал [с] прибытием в Казань к первому полету (о чем, впрочем, вряд ли приходится много сожалеть, ввиду неблагоприятных атмосферических условий, при которых он совершился), и полет мой был решен на четверг 10-го августа.

Первый подъем г. Спельтерини, совершенный им в понедельник 7-го августа обнаружил наличность одного, крайне неблагоприятного, обстоятельства: это — тяжесть местного светильного газа, вырабатываемого из нефтяных остатков и представляющего удельный вес от 0,487 до 0,600. Эта тяжесть газа явилась условием в высшей степени осложняющим полеты, так как она в значительной степени ослабляет подъемную силу аэростата. В понедельник, 7-го августа, аэростат с трудом поднял двух человек. В четверг, 10-го августа, он должен был поднять трех человек (г. Спельтерини, г[оспо]жу Леону Дар и меня), ввиду чего были приняты меры к усиленному наполнению шара газом и вообще к возможному облегчению его подъемной силы.

Наполнение аэростата начато было весьма рано — в 12 часов ночи с 9-го на 10-е августа, следовательно, за 17 часов до момента подъема. Оно шло первоначально почти незаметно, так что к трем часам утра, когда я уехал из сада, гигантский корпус аэростата еще лежал на земле, на брезентах, чуть-чуть раздувшись лишь в головной своей части.

Несколько слов о самом воздушном шаре. Аэростат г[осподи]на Спельтерини, носящий название «Леона Дар» (имя отважной спутницы аэронавта), сооружен за границей; он сшит из узких полос плотной шелковой сырцовой материи, пропитанной каучуком. Имея 42 аршина в обхвате и 14 аршин в диаметре, этот колосс представляет громадную емкость в 40 тысяч кубических футов газа, которая, при хороших качествах последнего, дает шару силу, дозволяющую ему поднять пять человек, не считая оснастки и балласта.

Полагаю, что читателям небезынтересно будет познакомиться, в общих чертах, с самим устройством шара.

В верхней части шара (имеющего в наполненном состоянии грушевидную форму) вделан массивный деревянный круг, вмещающий в себя большой створчатый, отворяющийся вовнутрь клапан. Устроен клапан этот наподобие печных вентиляторов, т. е. автоматически захлопывается и, наоборот, открывается, если вы потяните за ведущую от него веревку, проходящую через внутреннюю полость шара и спукающуюся из его нижнего, совершенно открытого отверстия. Весь шар охвачен красивой тонкой и замечательно крепкой бичевой сеткой, оканчивающейся целой бахромой веревок, сходящихся к большому обручу, к которому подвешена плетеная корзина, вмещающая в себе воздухоплавателей.

Переходим к приспособлениям, имеющимся на аэростате для урегулирования полетов. Выражение: «Урегулировать полет» — имеет в данном случае лишь весьма относительное значение. Дело в том, что аэронавтика еще не выработала средств для придания полету шара желаемого направления. Поднявшись вверх, аэростат беспомощно подчиняется воздушным течениям, и, при больших полетах, аэронавту остается лишь постараться найти атмосферный слой с желательным воздушным течением. Таким образом, понятие «урегулирования полета» сводится лишь к возможности управлять подъемом и спуском шара, в особенности последним актом, — наиболее опасным и требующим со стороны воздухоплавателя массы опытности, самообладания и энергии.

Главным орудием спуска является, конечно, клапан шара. Аэронавт тянет веревку, клапан вверху шара открывается, газ вырывается наружу, и шар начинает опускаться. Но одного клапана далеко не достаточно для гарантии безопасности спуска. Для последней цели имеются на аэростате еще следующие приспособления:

А) Балласт, т. е. небольшие мешочки с песком. В случае слишком медленного подъема, слишком стремительного спуска или в случае необходимости перелететь известное

препятствие аэронавт высыпает часть балласта, вследствие чего облегченный шар, до невероятности чувствительный к малейшему уменьшению тяжести, быстро поднимается вверх. Понятно, что, имея в распоряжении клапан и балласт, воздухоплаватель не только вполне свободен в выборе места для спуска, но имеет полную возможность регулировать самую быстроту подъема и спуска.

Б) Якорь — небольшой, в роде тех, какие употребляются на барках средней величины. При спуске аэростата якорь выбрасывается за борт с тем, чтобы, зацепившись за почву или какой-нибудь предмет, мог остановить шар. Дело в том, что аэростат никогда не останавливается на земле сразу, как не останавливается и брошенный на пол резиновый мяч; напротив, он делает колоссальные качки, которые, при ветреной погоде, могут принять весьма опасный характер — роль якоря понятна здесь сама собою.

В) Гайд-рооп, т. е. весьма длинная веревка, спускающаяся, при надобности, из корзины шара; ложась при спуске аэростата на землю, она ослабляет силу последнего момента спуска, как бы заменяя собой рессору.

Вот, в сущности, все необходимые предметы оснастки аэростата. Остальной груз составляют сами аэронавты, их багаж и инструменты, соответствующие задачам полета; в числе этих инструментов важную роль играет барометр, показывающий силу воздушного давления, а следовательно, и высоту подъема шара.

Перехожу к дополнительным приспособлениям, имеющимся на аэростате г[осподи]на Спельтерини и обусловливаемым задачей полетов его. Как известно, г[оспо]жа Леона Дар поднимается на аэростате, держась зубами за трапецию. С этой целью на дне корзины имеется закрывающийся дверцей люк. В этот люк спускается трапеция; сверх того, в корзине имеется веревочная лестница, подаваемая г[оспо]же Леоне Дар для подъема с трапеции в корзину.

Познакомившись с устройством шара, переходим к нашему полету 10-го августа.

* * *

Приехав в Панаевский сад, место полета шара, к пяти часам вечера, т. е. за полтора часа до времени, назначенного для подъема, я не узнал нашего «воздушного корабля». Лежавший еще ночью в виде колоссального пустого мешка — аэростат теперь величественно колыхался в воздухе, почти совершенно уже наполненный газом. На середине шара красиво выделялась надпись: «Леона Дар», а в верхней части его развевался длинный американский флаг. Наполнение шара решено было продолжать до самого момента подъема.

Г. Спельтерини уже хлопотал у корзины, снаряжая ее в предстоящий путь.

За полчаса до полета моя надежда подняться на аэростате готова была лопнуть: г. Спельтерини сказал мне, что, несмотря на впущенные в шар 39 ½ тысяч[и] кубических футов газа, аэростат, ввиду тяжести газа, вряд ли поднимет трех человек. Надо полагать, что разочарование мое сказалось довольно заметно, так как г. Спельтерини не замедлил меня утешить:

— Вы тем не менее полетите. Я дал Вам слово — и исполню его; я и сам хочу, чтобы вы со мной летели… Я сделаю для Вас то, чего не рискнул бы сделать в другую погоду… Теперь тихо, барометр стоит хорошо… Мы отправимся без якоря, с минимумом балласта! Если понадобится — я срежу лишние снасти,.. но Вы — отправитесь. Впрочем, предупреждаю, мы рискуем спуском….

Само собой разумеется, что рассуждать о риске было уже поздно, в особенности ввиду другого риска — остаться в комическом положении на земле в решительную минуту, когда предстоящий полет мой получил уже в саду огласку. Не скажу, чтобы в течение получаса, прошедшего после этого разговора до момента полета, нервы мои были в совершенном спокойствии; оставалось успокаивать себя репутацией г. Спельтерини как опытного и энергичного аэронавта, невольно внушающего к себе доверие, да еще соображением о том, что ему также дорога его голова, как и мне моя.

Около семи часов вечера аэростат был готов. Начались хлопоты по прикреплению к нему корзины, по оснастке аэростата и, наконец, проба подъемной силы шара. Я был приглашен войти в корзину. Туда же сел и секретарь г. Спельтерини, с тем чтобы временно восполнить вес г[оспо]жи Леоны Дар.

Раздалась команда травить веревки, на которых удерживали шар. Аэростат закачался

на воздухе в состоянии равновесия, но вверх не поднимался. Г[осподин] Спельтерини выбросил якорь — результат тот же.

Кругом корзины вывешено было 16 мешков балласта. Г. Спельтерини начинает сбрасывать их один за другим: облегченный шар порывается вверх. Мы решаемся лететь всего с одним мешком балласта. Наш «воздушный корабль» теперь готов в путь, который ему предстоит совершить только с помощью клапана и пяти килограммов балласта. Кончаются последние приготовления, причем г. Спельтерини заставляет меня уже работать; на шаре мы с ним остаемся лишь вдвоем. Под моими ногами раскрывается люк, в который пропущена трапеция г[оспо]жи Леоны Дар. Удерживаемый десятками рабочих, аэростат уже отпущен довольно высоко, и мы стоим в воздухе на высоте нескольких сажен.

Решительная минута наступила. Г. Спельтерини дает сигнал к подъему. Гром музыки и целая буря рукоплесканий заставляют меня оторваться от работы (я складывал гайдрооп) и оглянуться назад: на эстраде уже появилась г[оспо]жа Леона Дар, грациозно раскланиваясь с публикой. Еще несколько секунд — и она красиво повисла на трапеции.

— «Lachez»! (Пускайте!) — энергично крикнул г. Спельтерини.

Освободившийся от удерживавших его веревок, аэростат наш плавно поднялся над площадкой сада и принял направление к летнему театру сада (на северо-восток). Было ровно 7 часов 32 минуты вечера.

Нам предстояло перелететь здание театра, вследствие чего г. Спельтерини выбросил полмешка балласта. Шар был уже над крышей театра.

— Jettez le reste! (Бросайте остальное!) — кричит мне г. Спельтерини, занятый какой-то снастью.

Я опрокидываю мешок — и наш последний остаток балласта летит вниз. Аэростат быстро принимает направление кверху.

Таким образом, уже в самом начале путешествия мы остались без балласта.

Но мне было теперь не до мыслей о балласте или какой-либо опасности. Я стоял в корзине подавленный, ошеломленный дивным зрелищем, каким достается на долю наслаждаться весьма немногим счастливцам… Да, я теперь смело назову счастливцем человека, которому удастся совершить полет на аэростате при таких благоприятных условиях, при каких совершил я его в прошедший четверг.

* * *

Ни малейшего ощущения движения не было; не было чувствительно и движение воздуха, так как мы плыли в его течении, двигаясь с одинаковой с ним скоростью. Словом — ощущение абсолютного покоя, совершенной неподвижности. Казалось, что не мы плывем вверх, но что земля уходит из-под наших ног; что земные предметы от какой-то причины быстро уменьшаются в размерах, как бы тают, сливаются, испаряются…

Картина, развернувшаяся под нашими ногами, не поддается никакому описанию; надо видеть, испытать, пережить эту волшебную страницу из Шехерезады, чтобы иметь о ней точное представление.

Вот уже далеко остался внизу Панаевский сад. Он обратился в жалкую кучку зелени, из которой ясно доносился до нас звук марша и восторженные крики и рукоплескания.

Мы плывем к Арскому полю, пересекая линии Лядской и Грузинской улиц. Эти две улицы и параллельная им Красная улица имеют вид трех серых тесемочек. По этим тесемочкам быстро несутся черные рои муравьев, устремляющиеся к Арскому полю. Это — несметные толпы народа, едущего и бегущего следом за аэростатом; крики «ура» и «браво» совершенно ясно резонируют в беспредельном воздушном океане.

Дивная картина, освещаемая последними отблесками заката, раскрылась перед нами! Весь город обратился в роскошный, раскрашенный план. Ясно видны все улицы, переулки… Я знаю отдельные здания. Вон громадный университетский квартал, обратившийся в расстановочную игрушку, какие вы часто видите в окнах детских магазинов; вот клиника, обратившаяся в крошечный белый кубик; вот под нами здания интендантских складов, представляющиеся в виде нескольких пестрых бороздок. Как все это миниатюрно, приземисто, но вместе с тем чисто, светло, опрятно, мило!..

Весь обширный город составляет лишь небольшую часть раскрывшегося перед нами необъятного горизонта, незаметно пропадающего в мглистой, серой дали. На юге длинной бесконечной серебряной лентой вьется Волга. Вы видите ее как бы на карте — видите

все ее изгибы, излучины, видите дымки бегущих по ней пароходов… Несколько ближе к нам сверкает какая-то продолговатая лужа; вам не верится, что это тот самый Кабан, по которому вы так свободно плаваете на пароходе. За Волгой ясно вырисовываются Услонские горы; вы свободно окидываете взглядом раскинувшееся за ними плоскогорье, служащее водоразделом Волги и Свияги. На север — глаз ваш пропадает в бесконечных лугах, на которых там и сям вырисовываются села и деревни. По словам г. Спельтерини, перед нами раскрылся горизонт с радиусом в 150 верст.

Замечательное оптическое явление невольно поразило мое внимание: по мере нашего подъема быстро исчезали все земные рельефы. Самые большие дома, церкви, колокольни, сады — казались нарисованными на плоскости и как бы вовсе не выделялись над уровнем земли. Даже большая гора Русской Швейцарии — и та казалась на одном уровне с рекой Казанкой. Напротив, отдаленные предметы давали рельеф, так что находившаяся под нами восточная часть города (довольно возвышенная) казалась словно в котловине, в зените которой находился все время аэростат и которая передвигалась вслед за нами. Крайне оригинальное впечатление!

* * *

Испытывал ли я чувство страха, головокружение и т. п. ощущения, сопряженные с поднятием на большие высоты?

Вот, конечно, весьма естественный вопрос, который, несомненно, уже напрашивается у читателя.

Будучи далек от мысли бравировать или рисоваться, я положа руку на сердце отвечу, что — нет. Испытав впечатление воздушного полета, я вынес убеждение, что раз полет начался и аэростат отделился от земли — чувство страха исчезает у самого робкого человека. Дело в том, что на известной высоте (и очень небольшой, когда вы очутитесь выше самых высоких земных предметов) вы совершенно теряете сознание пространства и высоты. Объясняется это, конечно, тем, что, находясь выше всех земных предметов, вы не имеете критерия для наглядного суждения о высоте, на которой находитесь. Я утверждаю, что чувствовал себя на аэростате свободнее, нежели на высокой башне или колокольне (не говоря о первом моменте подъема и, в особенности, о приготовлениях к полету, когда нервы были не совсем покойны). Мало того, мне стоило большого усилия заставить себя осознать ту страшную высоту, на которой я находился, — до такой степени сгладилось представление о земных протяжения[х] — и не меньше труда стоило мне заставить себя [о]сознать, что все видимое подо мною на земле не мираж, не картина, не иллюзия, но реальные предметы, которые меня ежедневно окружают, с которыми я только что расстался и к которым через несколько минут должен буду возвратиться…

Впрочем — виноват: было в первые минуты нашего полета обстоятельство, которое заставляло сердце мое биться очень и очень беспокойно. Это отчаянная смелость Леоны Дар, висевшей на трапеции, — сперва держась за нее зубами, а затем, на высоте уже доброй полуверсты, начавшей проделывать на трапеции самые головоломные упражнения. Жутко было видеть, сквозь открытый у наших ног люк корзинки, неустрашимую американку, эффектно распластавшуюся в воздухе над все более и более разверзающейся под нами бездной. Обращенное к нам, в люк, красивое и энергичное лицо г[оспо]жи Леоны Дар дышало смелостью и энергией, тогда как челюсти ее с судорожной силой стискивали каучуковый тампон, бывший единственной точкой соприкосновения ее с аэростатом. Отчаянная воздухоплавательница казалась, в своем эффектном наряде, не женщиной, но каким-то фантастическим гением, летевшим следом за нашим шаром… Чем-то окончит она свою головоломную карьеру?!

Волосы становились дыбом при взгляде на отчаянную аэронавтку. Я усиленно просил г. Спельтерини поторопить нашу безумную спутницу [с] окончанием ее упражнений, сказав ему, что последние — отравляют все волшебное путешествие мое в шаре и что я буду вполне покоен лишь тогда, огда увижу ее среди нас, в корзине. Г. Спельтерини стоило не мало труда убедить смелую американку взойти в корзину.

Аэростат летел над садом Родионовского института, когда мы спустили г[оспо]же Леоне Дар веревочную лестницу, по которой она и взобралась к нам в корзину, — в страшно измученном состоянии, похожем на состояние гипноза. Лицо горело, глаза блестели лихорадочным огнем; поднявшись к нам, она почти в полном изнеможении склонилась на борт корзины.

Между тем аэростат, достигнув высшей точки параболы, которую мы описывали, остался почти неподвижным. Выброшенная мной за борт горсть пуха почти не двигалась, указывая тем самым крайне тихое движение шара. Мы втащили в корзину трапецию, закрыли люк и могли удобнее расположиться в нашей корзинке, так как при открытом люке нам приходилось-таки тесненько. Оправившись благодаря нескольким глоткам доброго коньяку, который г. Спельтерини предусмотрительно захватил с собой в кулечке, г[оспо]жа Леона Дар стал переодеваться в городское платье, между тем как у нас с г. Спельтерини начался разговор о спуске. Ввиду предстоявшего спуска без якоря и балласта — необходимо было избрать непересеченную и, по возможности, низкую местность. Скоро мы усмотрели котловинку, недалеко от шоссе, ведущего к Центральной лечебнице во имя Всех Скорбящих; в эту котловинку г[осподи]н Спельтерини и порешил спуститься. Спуск, в силу сказанных выше условий, должен был быть решительный, энергичный, иначе мы рисковали волочиться по полям и кочкам или сделать «une grande culbute», как весьма добродушно подшутил мой неустрашимый воздушный автомедон.

— Держитесь крепче! Спускаемся! — крикнул г. Спельтерини, повиснув всей своей тяжестью на веревке клапана.

Движение шара опять-таки не было ощутительно. Что мы спускаемся, я ясно увидел это лишь потому, что к нам со страшной быстротой неслись навстречу, снизу, здания лечебницы, дачи и куртинки Немецкой Швейцарии… Казалось, что под нашими ногами разверзается земля.

Едва успел я, во избежание удара, подняться на весу, на одной из веревок аэростата, как корзина ударилась о землю. Не прошло и секунды, как аэростат снова взвился кверху, сделав отчаянный скачок в сторону. Снова ударилась корзина о землю — и шар, попав на косогор, лег набок, обессиленный массой потерянного газа. Корзина села прямо — так что мы из нее даже не выпали (потеряв лишь стакан и штопор), и тотчас же стали кричать народ, который не заставил себя ждать: к нам уже скакали полицейские-верховые, чины городской полиции*, дачники и целые толпы народа. Перенести шар, при помощи народа, на удобное для уборки его место — было делом нескольких минут.

Уборка шара заняла около полутора часа времени, причем нам досталось порядочно-таки работы.

Г[оспо]жа Леона Дар, бывшая с утра не совсем здоровой, почувствовала себя после спуска очень дурно. К счастью, подошли к нам дачницы, которых я и попросил дать г[оспо]же Леоне Дар возможность отдохнуть и прийти в себя, пока мы будем возиться с шаром. Дамы эти были настолько любезны, что предложили ей экипаж и приют у себя на даче; благодаря близости лечебницы нашлась и медицинская помощь.

К десяти часам вечера мы были уже обратно в Панаевском саду, куда не замедлил скоро прибыть, в прекрасном состоянии, и отправленный нами на подводе, под охраной конных полицейских, аэростат моих спутников.

* * *

Мне остается лишь добавить к сведению лиц, сохраняющих общее предубеждение против воздушных полетов, что моя прогулка в аэростате будет для меня отныне одним из приятнейших воспоминаний моей жизни. Буду только ждать случая возобновить это дивное наслаждение, если шар будет управляться таким же опытным и милым аэронавтом и... если под корзиной не будет висеть отчаянной Леоны Дар.

Загоскин Н. П. На аэростате (Из впечатлений воздушного путешествия). – Казань, 1889. – 19 с.

Публикацию подготовила
Людмила Фомина,
студентка КГУ

* Справедливость требует, чтобы мы принесли живую признательность (о чем просил меня и г. Спельтерини) казанской администрации: с ее стороны было сделано все возможное, чтобы гарантировать нам удобный спуск. Мы видели сверху, как следом за нами, по направлению полета шара, скакала сломя голову полиция, принявшая деятельное участие в охране шара при его уборке — трудной операции, производившейся г. Спельтерини и мною. Массы народа, с папиросами и трубками в зубах, в то время, когда шар освобождался от газа, причиняли нам немало хлопот; пришлось устроить полицейскую охрану аэростата.